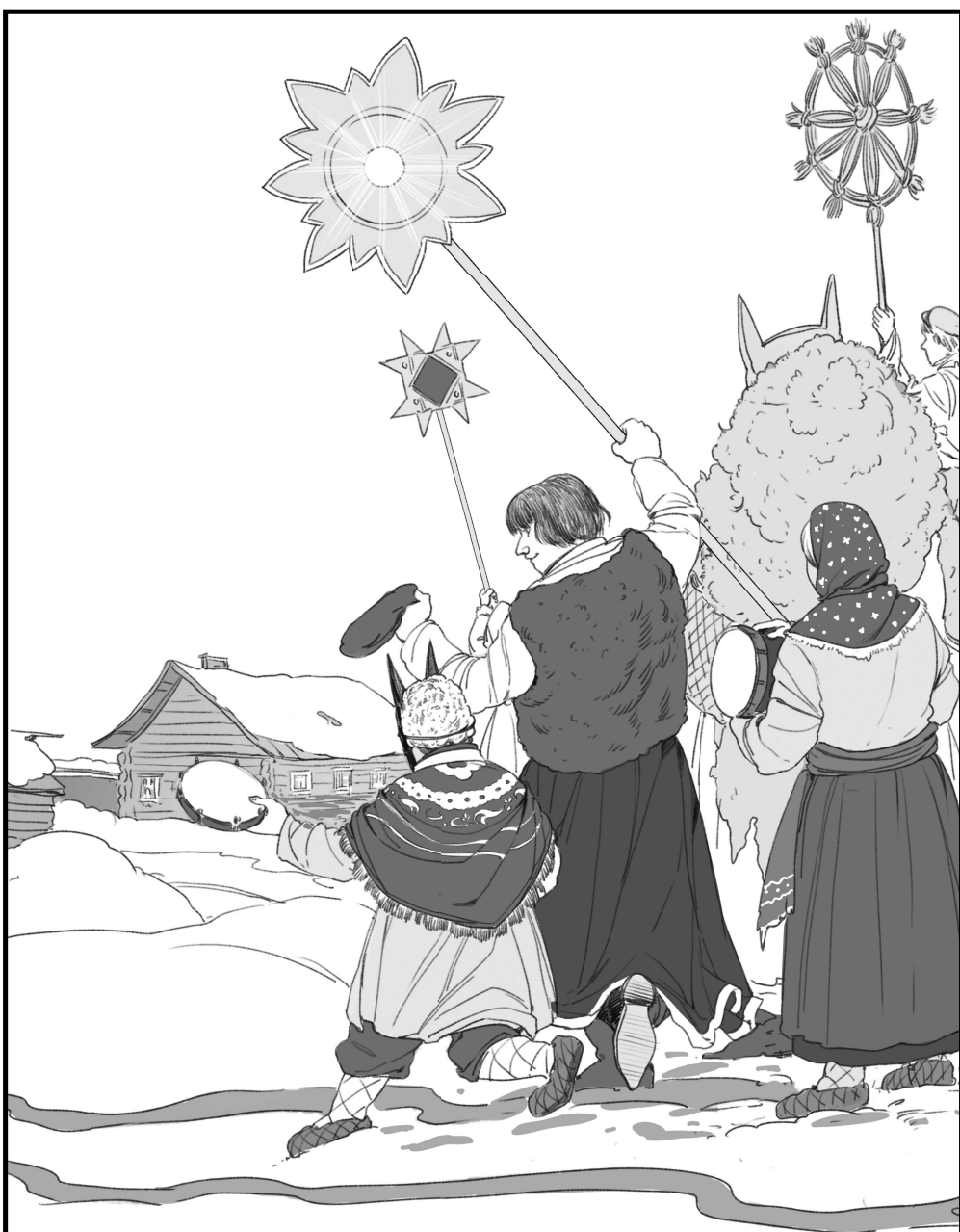

ВЛАДИМИР
ДАЛЬ

ДМИТРИЙ
ШЕППИНГ

ПОВЕРЬЯ, ОБРЯДЫ И СКАЗАНИЯ РУССКОГО НАРОДА

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

СОДЕРЖАНИЕ

О ПОВЕРЬЯХ, СУЕВЕРИЯХ И ПРЕДРАССУДКАХ РУССКОГО НАРОДА Владимир Иванович Даль

Вступление	9
I. Домовой	15
II. Знахарь и знахарка	21
III. Кликушество и гаданье	27
IV. Заговоры	32
V. Водяной	46
VI. Моряны	48
VII. Оборотень	50
VIII. Русалка	52
IX. Ведьма	55
X. Порчи и заговоры	59
XI. Симпатические средства	70
XII. Приметы	77
XIII. Басни, притчи и сказки	101
XIV. Привидения	108
XV. Клады	119

**РУССКАЯ НАРОДНОСТЬ В ЕЕ ПОВЕРЬЯХ,
ОБРЯДАХ И СКАЗКАХ**
Дмитрий Оттович Шеппинг

Предисловие автора.	127
Краткий очерк русской мифологии	130
Купала и Коляда в их отношении к народному быту русских славян	156
Род и Рожаница.	184
Космогоническое значение русских сказок и былин	190
Иван-царевич, могучий русский богатырь.	232
Несколько заметок о народных русских былинах, изданных в известиях Императорской академии наук по отделению русского языка и словесности.	250
О древних на вязах и наузах и влиянии их на язык, жизнь и отвлеченные понятия человека	260
Очерк первоначальной истории земледелия в отношении его к быту и языку русского народа	282
Значение Перуна и Волоса в договорах Олега и Игоря с Царьградом	301

О ПОВЕРЬЯХ,
СУЕВЕРИЯХ
И ПРЕДРАССУДКАХ
РУССКОГО НАРОДА

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ
ДАЛЬ

ВСТУПЛЕНИЕ

Шиллер сказал: «и в детской игре кроется иногда глубокий смысл» — а Шекспир: «и на небе и на земле есть еще много такого, чего мудрецы ваши не видывали и во сне». Это можно применить к загадочному предмету, о коем мы хотим поговорить. Дух сомнения составляет свойство добросовестного изыскателя; но само по себе и безусловно, качество сие бесплодно и даже губительно. Если к этому еще присоединится высокомерное презрение к предмету, нередко служащее личиной невежества особенного рода, — то сомнение, или неверие, очень часто бывает лицемерное. Большая часть тех, кои считают долгом приличия гласно и презрительно насмехаться надо всеми народными предрассудками, без разбора, — сами верят им втихомолку, или по крайней мере из предосторожности, на всякий случай, не выезжают со двора в понедельник и не здороваются через порог.

С другой стороны, если и смотреть на поверья народа, вообще, как на суеверие, то они не менее того заслуживают нашего внимания, как значительная частица народной жизни; это путы, кои, человек надел на себя — по своей ли вине, или по необходимости, по большому уму,

или по глупости, — но в коих он должен жить и умереть, если не может стряхнуть их и быть свободным. Но где и когда можно или должно сделать то или другое, — этого нельзя определить, не разобрав во всей подробности смысла, источника, значения и силы каждого поверья. И самому глупому и вредному суеверию нельзя противодействовать, если не знаешь его и не знаком с духом и с бытом народа.

Поверьем называем мы вообще всякое укоренившееся в народе мнение или понятие, без разумного отчета в основательности его. Из этого следует, что поверье может быть истинное и ложное; в последнем случае оно называется собственно *суеверием* или, по новейшему выражению, *предрасудком*. Между этими двумя словами разницы мало; предрасудок есть понятие более тесное и относится преимущественно к предостерегательным, суеверным правилам, что, как и когда делать или не делать. Из этого усматривается, еще в третьем значении, важность предмета, о коем мы говорим; он дает нам полную картину жизни и быта известного народа.

Не только у всех народов земного шара есть поверья и суеверия, но у многих они довольно схожи между собою, указывая на один общий источник и начало, которое может быть трех родов: или поверье, возникшее в древности, до разделения двух народов, сохранилось по преданию в обоих; или, родившись у одного народа, распространилось и на другие; или же, наконец, поверье, по свойству и отношениям своим к человеку, возникло тут и там независимо одно от другого. В этом отношении есть много ученых указаний у г. Снегирева. Сочинитель настоящей статьи ограничился одними только поверьями русского народа, или даже почти исключительно тем, что ему случилось собрать среди народа; посему статья эта вовсе не есть полное исследование этого предмета, а только небольшой сборник или собрание подручных в настоящее время запасов [Я с намерением не перечитывал теперь сочинений ни г. Снегирева, ни г. Сахарова. Я даю только сборник, запас, какой случился. Праздничных обрядов я мало касаюсь, потому что предмет этот обработан г. Снегиревым; а повторения того, что уже помещено в Сказаниях г. Сахарова, произошли случайно, из одного и того же источника. Я дополнил статью свою из одной только печатной книги:

Русские суеверия, Чулкова, в которой, впрочем, весьма немного русского].

Север наш искони славится преимущественно большим числом и разнообразием поверий и суеверий о кудесничестве разного рода. Едва ли большая часть этого не перешла к нам от чудских племен. Кудесники и знахари северной полосы отличаются также злобою своею, и все рассказы о них носят на себе этот отпечаток. На юге видим более поэзии, более связных, сказочных и забавных преданий и суеверий, в коих злобные чернокнижники являются только как необходимая прикраса, для яркой противоположности. Нигде не услышите вы столько о порче, изурочении, как на Севере нашем; нигде нет столько затейливых и забавных рассказов, как на Юге.

ПОВЕРЬЯ МЕСТНЫЕ, СВЯЗАННЫЕ С ИЗВЕСТНЫМИ УРОЧИЩАМИ, КУРГАНАМИ, ГОРОДАМИ, СЕЛАМИ, ГОРОДИЩАМИ, ОЗЕРАМИ И ПРОЧ., НЕ МОГЛИ ВОЙТИ В ЭТУ СТАТЬЮ ГЛАВНЕЙШЕ ПОТОМУ, ЧТО ТАКОЕ СОБРАНИЕ ВЫШЛО БЫ НЫНЕ ЕЩЕ СЛИШКОМ НЕПОЛНО И ОТРЫВОЧНО. ЕСЛИ БЫ У НАС МНОГО ЛЕТ СРЯДУ ЗАНИМАЛИСЬ ПОВСЕМЕСТНО СБОРОМ ЭТИХ ПРЕДАНИЙ, ТОГДА ТОЛЬКО МОЖНО БЫ ПОПЫТАТЬСЯ СОСТАВИТЬ ИЗ НИХ ЧТО-НИБУДЬ ЦЕЛОЕ. НО ПРЕДАНИЯ ЭТИ ГИБНУТ НЕВОЗВРАТНО; ИХ ВЫТЕСНЯЕТ СУРОВАЯ ВЕЩЕСТВЕННОСТЬ, — КОТОРАЯ НОВЫХ ЗАМЫСЛОВАТЫХ ПРЕДАНИЙ НЕ РОЖДАЕТ.

Все на свете легче осмеять, чем основательно опровергнуть, иногда даже легче, нежели дать ему веру. Подробное, добросовестное разбирательство, сколько в каком поверье есть или могло быть некогда смысла, на чем оно основано и какую ему теперь должно дать цену и где указать место — это не легко. Едва ли однако же можно допустить, чтобы поверье, пережившее тысячелетия и принятое миллионами людей за истину, было изобретено и пущено на ветер, без всякого смысла и толка. Коли есть поверья, рожденные одним только праздным вымыслом, то их очень немного; и даже у этих поверий есть, по крайней мере, какой-нибудь источник, например:

молодцевание умников или бойких над смиренными; старание поработить умы самым сильным средством — общественным мнением, против которого слишком трудно спорить.

У НАС ЕСТЬ ПОВЕРЬЯ — ОСТАТОК ИЛИ ПАМЯТНИК
ЯЗЫЧЕСТВА; ОНИ ДЕРЖАТСЯ ПОТОМУ ТОЛЬКО, ЧТО
ПРИВЫЧКА ОБРАЩАЕТСЯ В ПРИРОДУ, А ОТМЕНА СТАРОГО
ОБЫЧАЯ ВСЕГДА И ВЕЗДЕ ВСТРЕЧАЛА СОПРОТИВЛЕНИЕ.

Сюда же можно причислить все поверья русского баснословия, которое, по всей вероятности, в связи с отдаленными временами язычества. Другие поверья придуманы случайно, для того, чтобы заставить малого и глупого, окольным путем, делать или не делать того, чего от него прямым путем добиться было бы гораздо труднее. Застравив и поработив умы, можно заставить их повиноваться, тогда как пространные рассуждения и доказательства ни малого, ни глупого не убедят и, во всяком случае, допускают докучливые опровержения

Поверья третьего разряда, в сущности своей, основаны на деле, на опытах и замечаниях; поэтому их неправильно называют суевериями; они верны и справедливы, составляют опытную мудрость народа, а потому знать их и сообразоваться с ними полезно. Эти поверья бесспорно должны быть все объяснимы из общих законов природы: но некоторые представляются до времени странными и темными.

Засим непосредственно следуют поверья, основанные также в сущности своей на явлениях естественных, но обратившиеся в нелепость по бессмысленному их применению к частным случаям.

Пятого разряда поверья изображают дух времени, игру воображения, иносказания — словом, это народная поэзия, которая, будучи принята за наличную монету, обращается в суеверие.

К шестому разряду, наконец, должно причесть — может быть, только до поры до времени — небольшое число таких поверий, в коих мы не можем добиться никакого смысла. Или

он был утрачен по изменившимся житейским обычаям или вследствие искажений самого поверья, или же мы не довольно исследовали дело, или, наконец, может быть, в нем смысла нет и не бывало. Но как всякая вещь требует объяснения, то и должно заметить, что такие вздорные, уродливые поверья произвели на свет, как замечено выше, или умничанье, желание знать более других и указывать им, как и что делать, — или пытливый, любознательный ум простолюдина, доискивающийся причин непонятного ему явления; эти же поверья нередко служат извинением, оправданием и утешением в случаях, где более не к чему прибегнуть. С другой стороны, может быть, некоторые бессмысленные поверья изобретены были также и с тою только целью, чтобы, пользуясь легковерием других, жить на чужой счет. Этого разряда поверья можно бы назвать мошенническими.

Само собою разумеется, что разряды эти на деле не всегда можно так положительно разграничить; есть переходы, а многие поверья без сомнения можно причислить и к тому и к другому разряду; опять иные упомянуты у нас, по связи своей с другим поверьем, в одном разряде, тогда как они в сущности принадлежат к другому. Так, например, все лицедеи нашего баснословия принадлежат и к остаткам язычества, и к разряду вымыслов пиитических, и к крайнему убежищу невежества, которое не менее, как и самое просвещение, хотя и другим путем, ищет объяснения непостижимому и причины непонятных действий. Лица эти живут и держатся в воображении народном частью потому, что в быту простолюдина, основанном на трудах и усилиях телесных, на жизни суровой, — мало пищи для духа; а как дух этот не может жить в бездействии, хотя он и усыплен невежеством, то он и уносится, посредством мечты и воображения, за пределы здешнего мира. Не менее того пытливый разум, изыскивая и не находя причины различных явлений, в особенности бедствий и несчастий, также прибегает к помощи досужего воображения, олицетворяет силы природы в каждом их проявлении, сваливает все на эти лица, на коих нет ни суда, ни расправы, — и на душе как будто легче.

Вопрос, откуда взялись баснословы лица, о коих мы хотим теперь говорить, — возникал и в самом народе: это

доказывается сказками об этом предмете, придуманными там же, где в ходу эти поверья. Домовой, водяной, леший, ведьма и проч. не представляют собственно нечистую силу; но, по мнению народа, созданы ею, или обращены из людей за грехи или провинности. По мнению иных, падшие ангелы, спрятавшиеся под траву *прострел*, поражены были громовою стрелою, которая пронзила ствол этой травы, употребляемой по этому поводу для залечения ран, — и низвергла падших духов на землю; здесь они рассыпались по лесам, полям и водам и населили их. Все подобные сказки явным образом изобретены были уже в позднейшие времена; может быть, древнее их мнение, будто помянутые лица созданы были нечистым для услуг ему и для искушения человека; но что домовой, например, который вообще добродетельнее прочих, отложился от сатаны — или, как народ выражается, от черта отстал, а к людям не пристал.

I

ДОМОВОЙ

Домовой, домовик, дедушка, старик, постен или постень, также *лизун*, когда живет в подполье с мышами, — а в Сибири *суседко*, — принимает разные виды; но обыкновенно это плотный, не очень рослый мужичок, который ходит в коротком смуром зипуне, а по праздникам и в синем кафтане с алым поясом. Летом также в одной рубахе; но всегда босиком и без шапки, вероятно потому, что мороза не боится и притом всюду дома. У него порядочная седая борода, волосы острижены в скобку, но довольно косматы и частью застилают лицо. Домовой весь оброс мягким пушком, даже подошвы и ладони; но лицо около глаз и носа нагое. Косматые подошвы выказываются иногда зимой, по следу, подле конюшни; а что ладони у домового также в шерсти, то это знает всякий, кого дедушка гладил ночью по лицу: рука его шерстит, а ногти длинные, холодные. Домовой по ночам иногда щиплется, отчего остаются синяки, которые, однако, обыкновенно не болят; он делает это тогда только, когда человек спит глубоким сном. Это поверье весьма естественно объясняется тем, что люди иногда, в работе или хозяйстве, незаметно зашибаются, забывают потом об этом и, увидев через день или более синяк, удивляются